
Как говорит соседка моя баб Люся:

«Я с каждым днем счастливее становлюся...»

(Хоть ни кола, ни двора у ней, ни скотины —
только и есть одна у ней гильотина,
что от всего отсекает дурные части,
преображая любое не-счастье в счастье.)

Вот оно, вот оно, вот оно:

осень, крепчает мороз,
пленкою грядка замотана —
это надолго,
всерьез.

Это со мною останется —
грядки, тетрадки, Гомер:
там Пенелопа не старится,
вот мне и яркий пример.

Ткет она нитка за ниткою
и распускает опять:
можно назвать это пыткой,
можно блаженством назвать.

Держится всё мироздание
этим нелепым трудом:
знать бы мне это заранее,
не позабыть бы потом.

Ох, одиссея осенняя —
и не плавыи, да живи:
нет, говорят мне, спасения,
есть, говорю, —
от любви.

Как удлиняется день,
как сокращается май,
царствует всюду сирень —
ты мне её наломай.
И не жалеи, не жалеи,
ибо бессмертна она,
жизнь с каждым маем милей,
ибо всего лишь одна.
Так что ломай, мой родной,
да не убудет её,
да проплывет над страной
смертное имя моё.